

Суровое испытание

Затея Лавочника Лу с выездной торговлей в соседних городках оказалась невыполнимой, однако никто не мог помешать самим книжникам устремиться в городок Пинъань.

Ученики прибывали группами, одна за другой, и Лавочник Лу сиял так ярко, что, казалось, готов был самолично палить хлопушки у входа в лавку от избытка чувств.

Обыватели только диву давались: что за наваждение нашло на этот Пинъань? Сначала женщины по нему с ума сходили, теперь вот и мужчины зачастили, да с таким рвением, словно там медом намазано.

Виновник же всей этой суеты, Чу Цы, и бровью не вел. Он по-прежнему неустанно приглядывал за учебой Чжана и Фана.

Уездный экзамен неумолимо приближался, и давать слабину было нельзя. Чу Цы прекрасно понимал состояние тех, кто вот-вот окажется перед лицом испытания: тревога и мандраж — верные спутники любого школяра. Поэтому время от времени он выводил друзей на прогулку в сад, чтобы дать телу отдых, а натянутым, как струны, нервам — хоть немного покоя.

Весна в уезде Юаньшань заявляла о себе рано. И хотя в воздухе всё еще витал колючий холод, на ветвях уже пробивалась первая нежная зелень. Молодые почки робко тянулись к свету, и стоило подольше задержать на них взгляд, как глазам становилось легче.

Увы, оценить прелесть момента мог лишь сам Чу Цы. Стоило им пройти совсем немного, как друзья начинали ныть, просясь обратно в комнаты — дочитывать книги и писать сочинения.

Чу Цы так и подмывало схватить их за шиворот и гаркнуть:

«Да знаете ли вы, как тяжело приходится ученикам в моем мире?! Про уроки физкультуры там забывают уже в старших классах! А вам тут выпал шанс размяться, и вы его не цените?!»

«Я сам уже на месте усидеть не могу... — мысленно сокрушался он. — Просто нет сил на эту бесконечную зубрежку».

Однако вслух он ничего не сказал. Лишь улыбнулся и послушно последовал за друзьями в дом.

Чжан Вэньхай, воодушевленный наставлениями Чу Цы, всерьез уверовал, что в этом году ему по силам стать сюцаем. Он взялся за дело с невиданным прежде рвением, засиживаясь за книгами до глубокой ночи. Фан Цзиньян, опасаясь, что подведет слабое здоровье, тоже решил

поднажать и начал «пахать в ночную смену» наравне с другом.

Глядя на их стремительно темнеющие круги под глазами и на изможденные лица, Чу Цы понял: пора принимать меры.

— Сегодня — день отдыха! — отрезал он. — Обоим немедленно спать, и чтобы в кабинете я вас больше не видел. Завтра у меня для вас будет дело. Если явитесь в таком же состоянии, как сейчас, пеняйте на себя.

Бросив эту фразу, юноша прихватил книгу и ушел к себе, оставив Чжана и Фана в полном замешательстве.

— Эх, Брат Чу просто видит, как мы вымотались, вот и печется о нас, — вздохнул Вэньхай. — Но до экзамена осталось всего десять дней, как я могу спокойно почивать?

Он чувствовал себя на взводе и готов был грызть гранит науки еще декаду напролет.

Цзиньян, хоть и догадывался о намерениях друга, рассудил иначе:

«Все книжники так живут перед экзаменами. Время дорого, нужно учить».

Чу Цы предусмотрительно приставил к ним слугу. Когда тот доложил, что господа и не думают отдыхать, Чу Цы лишь холодно усмехнулся. Он подозвал парня и, понизив голос, отдал ряд распоряжений, после чего сам погрузился в чтение.

«Ну-ну, — подумал он, — посмотрим, как вы завтра запоете».

В ту ночь Чжан Вэньхай и Фан Цзиньян снова легли за полночь. Поскольку было уже слишком поздно, гость остался ночевать в поместье Чжан.

Казалось, они только-только сомкнули глаза, как тишину разорвал оглушительный стук в дверь.

Чжан Вэньхай с трудом разлепил веки. За окном царил непроглядная тьма. Он хотел было перевернуться на другой бок и уснуть, но стук не прекращался, гремя прямо у изголовья.

Нет, стучали прямо в его дверь!

Юноша подскочил, лицо его было чернее тучи. Накинув одежду, он кипел от ярости, мечтая растерзать того, кто посмел прервать его сон.

Стоило ему распахнуть дверь, как Сяо Чэн-цзы затараторил:

— Молодой господин, что ж вы так долго?! Быстрее, я соберу вещи, а вы пока одевайтесь!

Вэньхай замер в оцепенении. Что сегодня за день? День рождения Будды? Юбилей Конфуция?

Он безвольно натянул халат, но когда потянулся за лисьей шубой, его остановили. Слуга, подхватив узел с вещами, буквально вытолкнул хозяина в коридор. Вокруг было темно, хоть глаз выколи.

Плутая по переходам, юноша наконец оказался перед дверью, где мерцал слабый огонек. Там уже стояли двое: Фан Цзиньян и его слуга Ши-тоу.

— Цзиньян, что происходит?

— Вэньхай, я и сам не пойму... — Тот, будучи слабее телом, от недосыпа едва держался на ногах и даже забыл про вежливое обращение.

Друзья едва не уснули, привалившись к своим слугам, но тут тишину прорезал зычный крик:

— Ворота уездного экзамена открываются! Дракон прыгает в небесные врата!

Уездный экзамен?!

Глаза обоих распахнулись. Откуда здесь этот клич, возвещающий начало испытаний?

Тут же тяжелые алые двери распахнулись. К ним шагнули двое дюжих парней. Бросив короткое «не обессудьте», они вырвали корзины из рук Сяо Чэн-цзы и Ши-тоу и принялись бесцеремонно ворошить припасы.

Слуги с нескрываемым сочувствием посмотрели на своих хозяев, которых так ловко обвели вокруг пальца, и, поклонившись, попятнулись в темноту.

Закончив с корзинами, верзилы принялись обыскивать самих книжников. К счастью, они помнили, кто здесь господин, и не усердствовали так сильно, как это бывает на настоящем экзамене.

Друзья, подхватив корзины, вошли внутрь. Сначала они миновали узкий проход, огороженный решеткой, а затем издали донесся голос глашатая:

— Ученик Чжан Вэньхай из городка Пинъань уезда Юаньшань! Поручитель — линьшэн Чу Цы

из деревни Чанси! Ученик Фан Цзиньян из городка Юнъань уезда Юаньшань! Поручитель — линьшэн Чу Цы из деревни Чанси!

Это был обряд чанбао. Чтобы получить право сдавать экзамен на сюцая, за тебя должен поручиться линьшэн, подтверждая, что ты не самозванец и не преступник.

Сомнения в душах друзей крепи. Они уже всерьез подозревали, что каким-то чудом проспали всё время до начала настоящих экзаменов. Но людей вокруг было подозрительно мало.

И лишь когда они увидели Чу Цы, со строгим лицом восседавшего посреди двора, до них дошло: вот оно, то самое «дело», о котором он предупреждал.

Вэньхай попытался было расплыться в улыбке, но дюжий слуга, стоявший подле Чу Цы, рявкнул:

— На месте экзамена соблюдать строжайший порядок! Разговоры запрещены!

Их развели по хаофанам — экзаменационным кельям. Эти ячейки по размеру и устройству в точности повторяли настоящие, даже запах сырости и плесени был таким же невыносимым.

Чу Цы сидел во главе, не достаивая их и взглядом. Лишь когда небо начало сереть, он подал знак слуге принести бумаги.

— Путь книжника тернист и полон преград. Лишь через упорный труд и прилежание можно стать достойным мужем, — начал он знакомую речь о пользе учения, за которой последовали наставления от лица экзаменаторов и представителей линьшэнов. Длинные, тягучие фразы заставляли голову идти кругом.

Чжан Вэньхай был крепким парнем. И хотя он сидел в легкой одежде на ледяном ветру уже довольно долго, холод его не брал. Фан Цзиньян же заметно побледнел. Если бы не правила приличия, он бы уже свернулся калачиком, пытаясь согреться.

С самого начала часа Мао до самого часа Чэнь они просто сидели на месте. Наконец, пришел слуга, зажег благовония — знак начала экзамена.

Раздали бумагу: каждому по три чистых листа для черновиков и по пять линованных — по двенадцать строк, по двадцать знаков в каждой.

Один из слуг внес доску с заданиями. Друзья, собрав остатки воли, принялись переписывать вопросы...

Юноша тем временем с комфортом устроился на возвышении. Завернувшись в теплую шубу и

прижимая к себе грелку для рук, Чу Цы неспешно попивал горячий чай, закусывая сладостями. Экзамен длился с часа Чэнь до часа Шэнь — с восьми утра до четырех дня. Целых восемь часов.

Сяо Чэн-цзы по его приказу приготовил для каждого по паре маньтоу и бамбуковую трубку с водой — всё строго по уставу уездных испытаний.

«Без такой встряски эти двое так и будут гробить себя ночной зубрежкой, — рассуждал Чу Цы. — Такими темпами они свалятся замертво еще до начала настоящих экзаменов. Уж лучше пусть потеряют сознание на пробном испытании, пока еще есть время всё исправить».

И верно: едва миновал полдень, как Фан Цзиньян лишился чувств.

Чу Цы с холодным спокойствием велел унести его и позвать лекаря, после чего вперил взгляд в Чжан Вэньхая. Тот, увидев, как уносят друга, совсем пал духом. Сил почти не осталось. Вчера он проспал от силы часа три, и теперь веки налились свинцом.

Иероглифы в задании расплывались перед глазами, превращаясь в бессмысленные черточки. Вэньхай до боли ущипнул себя за руку и, встряхнувшись, снова взялся за кисть.

Однако и он не дотянул до конца — его вынесли из кельи спящим беспробудным сном.

Друзья проснулись лишь на следующее утро. Несмотря на то что они пропустили ужин, чувствовали они себя гораздо бодрее: долгий сон восполнил силы, растраченные за бессонные ночи.

Придя в кабинет, они не застали там Чу Цы. На его обычном месте лежал лист бумаги. Сообщение гласило, что вчерашние работы проверены, а сам юноша уехал в город по делам, оставив им время для самостоятельных занятий.

Подойдя к столам, друзья увидели свои вчерашние свитки. Красные пометки кисти пестрели повсюду — живого места не осталось. Зрелище было поистине жалким.

Третий день второго месяца. Учитель Цинь и остальные наставники уже вернулись в училище.

Чу Цы, прихватив свои стихи и статьи, написанные за это время, еще затемно сел в повозку и отправился в уездный город.

У ворот училища уже суетились уборщики. Ученики должны были вернуться лишь восьмого числа, но многие приехали заранее.

Войдя во двор к Учителю Циню, Чу Цы увидел супругу наставника, подметавшую опавшую листву. Он тут же поспешил на помощь: составил принесенные узлы с подарками на каменный стол и мягко забрал метлу из рук женщины.

— А-Цы, иди к учителю, он в кабинете, беседует с Учителем Чжу, — ласково улыбнулась супруга Циня. — Не утруждайся, я сама закончу.

— Как говорят в народе: «Ученик берет на себя заботы учителя». Вы с наставником — одно целое, и для меня в радость помочь вам по хозяйству. На столе мои скромные дары к празднику, прошу вас, не откажите в малости.

— Ох, вечно ты тратишься, — вздохнула она. — Мы ни в чем не нуждаемся, лучше бы приберег деньги на свои нужды, так и учителю было бы спокойнее.

Супруга наставника знала о бедности Чу Цы. Раньше он был крайне горд и упрям: даже если приходилось каждый день есть пресную бурду в столовой, он ни за что не соглашался отобедать у них. Теперь же он, кажется, остепенился, и на душе у нее стало легче.

— В прошлые годы я был стеснен в средствах, и мои подношения учителю были скудны. Вы с наставником тогда всячески старались поддержать меня. Теперь, когда я не нуждаюсь, было бы верхом неблагодарности поступать по-старому. Не беспокойтесь, матушка-наставница, я еще не раз вам надоем своими визитами.

Рассмешив женщину, юноша закончил уборку во дворе — выполочил сорняки и вымел мусор. Лишь тогда он позволил себе перевести дух. Умывшись у колодца и поправив одежду, Чу Цы подошел к дверям кабинета и негромко постучал.

Голоса внутри стихли, и спустя мгновение донесся голос Цинь Линцина:

— Входи.

— Учитель, почтенный Учитель Чжу. Ученик Чу Цы приветствует вас. Простите, если помешал беседе.

— Ничего страшного, мы как раз о тебе и толковали, — наставник жестом пригласил его сесть. — Твой план по борьбе со снегопадом сослужил большую службу. Снежное бедствие в Мобэе миновало, и благодаря твоим советам жертв оказалось куда меньше, чем обычно. Восстановление идет полным ходом. Думаю, награда от управы не заставит себя ждать.

— Так это его затея? — удивился Учитель Чжу. — Почтенный брат Синьжань, у тебя и впрямь

глаз наметан на таланты. Завидую тебе, такой способный ученик.

«Его подопечный уже государству пользу приносит, а мои — вылитые глупые гуси, — подумал Чжу. — Обидно, право слово».

Цинь Линцин, стараясь скрыть гордость, лишь небрежно махнул рукой:

— Брат Чанмин преувеличивает. Мой ученик еще строптив и неотесан, к важным делам его подпускать рано. Просто удачно совпало, ничего особенного.

Глядя на довольное лицо наставника, Учитель Чжу лишь зубами скрипнул. Но крыть было нечем. Обменявшись еще парой любезностей, он откланялся.

— Ну, принес свои труды? — в ту же секунду Учитель Цинь превратился в строгого наставника.

Чу Цы почтительно подал свои записи для проверки.

<http://bllate.org/book/15354/1423367>